

Разумовский не собирается говорить «правду царю»

Телеведущий полагает, что власть интересуется только электорат

Независимая - 2005 - 27 окт. - с. 16

Сергей Варшавчик

С недавних пор на телевидении четко прослеживается интересная тенденция: государственные каналы, ограниченные возможностью обратиться к нынешней действительности, обращаются к прошлому. При этом большинство исторических проектов преследуют развлекательно-пропагандистские задачи. Об этом мы беседуем с ведущим исторических передач на канале «Культура» и автором программы «Кто мы?» — об истории и психологии гражданской войны в России — Феликсом Разумовским.

— Как вы полагаете, Феликс, на какой исторический период похожа наша нынешняя действительность?

— Отчасти есть переключки с постпетровской эпохой, когда Петр I ушел, перевернув реформами российскую жизнь и сознание россиян, и остались несвободные люди, воспитанные в атмосфере полицейского государства. Почва уходила у них из-под ног. Распалась связь времен. Довольно болезненная ситуация.

— А что думаете об угрозе оранжевой революции в России вы, снявший цикл о первой русской революции 1905 года?

— Я думаю, что это из разряда современных страшилок. Украина — другое дело, там другая история, там были гетманы с весьма специфическим типом поведения. И если население очень долго тяготело к Москве, то украинские политики — к Польше, Западу. Но нам история не указ, а потому мы и тут сделали ставку на политтехнологию.

— Любопытно, что в последней вашей программе, говоря о «кровавом воскресеньи», вы, что называется, давали «инструкции» нынешней власти: «Народ вначале идет за правдой к царю, и от власти требуется сделать шаг ему навстречу».

— Знаете, это Державин в эпоху Просвещения ставил перед собой такую задачу — «говорить правду царям». Но я не человек эпохи Просвещения...

— ...и не Державин и не говорите правду царям?

— Я считаю это маниловщиной. В наше время — это несерьезно. Это и при Гоголе было уже смешно. Если обратиться к той программе, о которой вы говорите, то там рассказывается о развале русского культурного пространства. А вот это уже серьезно — и для власти, и для общества. В этой ситуации царь вообще потерял способность действовать адекватно. Более того, его вообще как бы «не было», по едкому замечанию Зинаиды Гиппиус. То есть легитимность власти к 9 января 1905 года была практически исчерпана. Царь мог принимать любые решения, но общество и народ жили совершенно по другим законам — они друг друга не слышали. В результате такого полного непонимания произошло чудовищное событие, имевшее очень тяжелые последствия.

— А сейчас, на ваш взгляд, власть слышит народ, общество?

— Современное общество — это еще не народ. Народ — это совокупность всех поколений, жив-

ших на нашей земле с самобытной культурой и историческими традициями. Все это ныне находится под спудом, а потому лучше не обольщаться и говорить об электорате. Это легкомысленное существо с психологией и реакциями ребенка. Оно капризничает, хнычет, плачет или впадает в восторг. Власть приспособилась к этим капризам и легко «работает» с электоратом. С народом все было бы гораздо сложнее, а лишних проблем никто иметь не хочет, и это главная драма сегодняшнего момента. Поэтому сегодня бессмысленно говорить о судьбе страны и пытаться ставить стратегические вопросы. Страна живет в режиме ЖЭКа: протекло — заткнули, обвалилось — заделали. Отбили штурм Нальчика. Это весьма примитивная форма существования, и основные проблемы приходится откладывать «на потом». Но рано или поздно власти придется повернуться лицом к народу.

— Кем вы себя ощущаете — журналистом или историком на канале «Культура»?

— Странный вопрос. Наверное, и тем и другим. Телевидение требует разных умений и навыков. В то же время я не создаю на экране научные монографии. А вообще-то «Кто мы?» — публицистическая программа. Стараюсь

«разговорить» кого-нибудь из наших предков, они очень многое могут рассказать — о нас с вами. Телевидение позволяет сделать такой «разговор» очень осязаемым.

— Работая на государственном канале, получаете какой-то заказ?

— Безусловно, есть какие-то просьбы, которые я воспринимаю совершенно нормально. При этом в руководстве канала работают люди компетентные и умные — они не будут обращаться ко мне с теми предложениями, которые идут вразрез с

— Ваши коллеги часто шутят: ну когда же мы узнаем, «Кто мы?» А действительно, когда?

— Судя по нашей жизни — не скоро. У нас нет верного представления о самих себе. Мы заблудились во времени, сбились с исторического пути. Вот тут перед нами и встает этот «проклятый» вопрос: «Кто мы?» Однако не стоит путать этот вопрос с во-

просами для кроссворда или для игры в «Поле чудес».

— Сейчас во власти и обществе активно ведутся разговоры о перезахоронении Ленина. В частности, на днях об этом заявила Валентина Матвиенко. А что вы, историк, по этому поводу думаете?

— Это наше любимое занятие — начинать не с того конца. Строить крышу прежде, чем построены стены или даже фундамент. В данном случае фундамент — это наше историческое сознание, которое разрушено, деформировано, и не без участия товарища

новременно колоссальный перекос в сознании зрителей. О Сталине и Троцком мы знаем все по минутам и про всех жен Буденного знаем... Но, к примеру, о создателе русского государства Иване III не знаем ничего! История на экране не становится, как говорил Петр Чаадаев, «ключом к познанию народа». Бесконечная череда документальных фильмов главным образом удовлетворяет нездоровое любопытство, не более того. На самом деле это частный случай нашего отношения к прошлому, но он очень показатель-

Бесконечная череда документальных фильмов главным образом удовлетворяет нездоровое любопытство

просами для кроссворда или для игры в «Поле чудес».

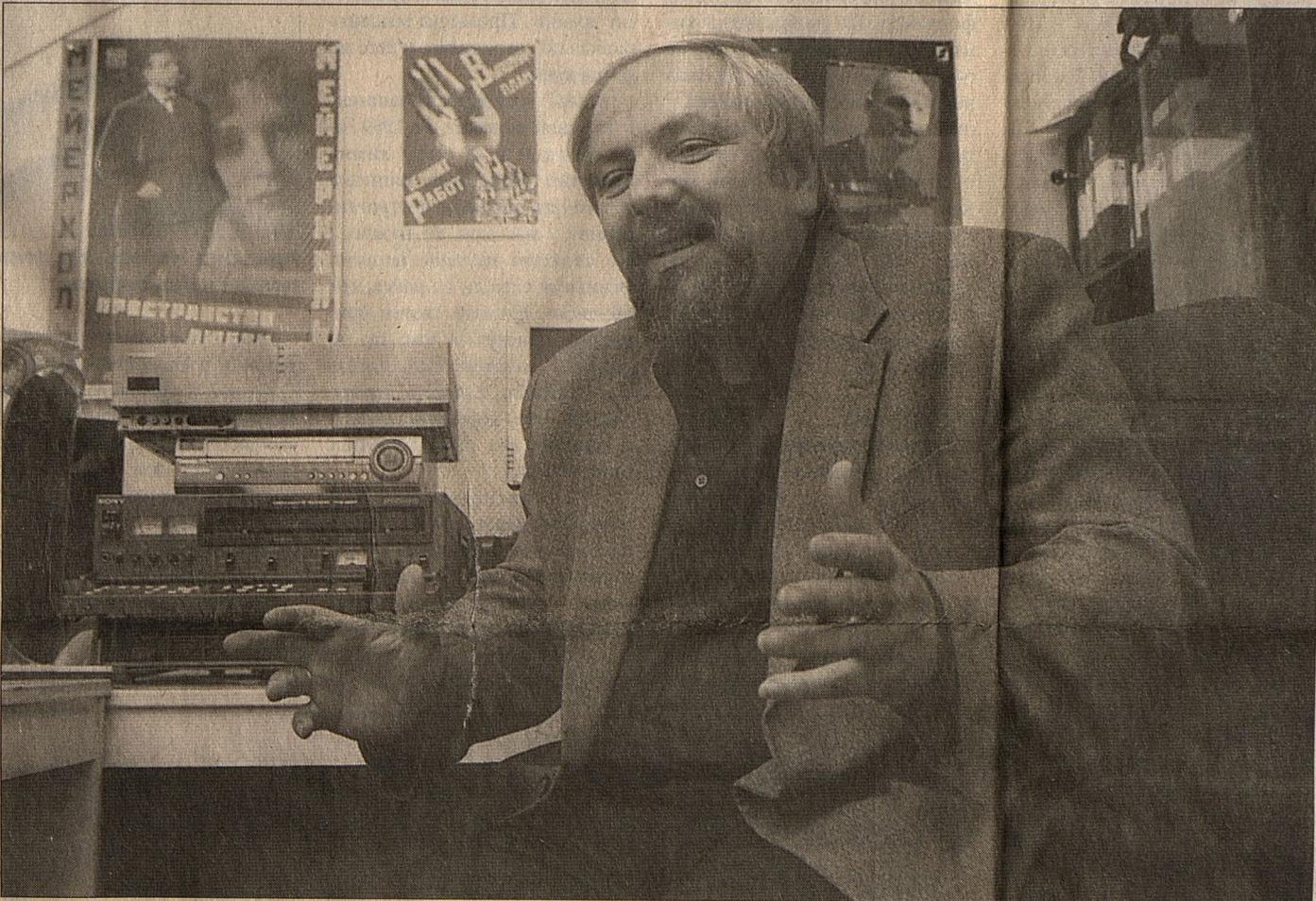
— Сейчас во власти и обществе активно ведутся разговоры о перезахоронении Ленина. В частности, на днях об этом заявила Валентина Матвиенко. А что вы, историк, по этому поводу думаете?

— Это наше любимое занятие — начинать не с того конца. Строить крышу прежде, чем построены стены или даже фундамент. В данном случае фундамент — это наше историческое сознание, которое разрушено, деформировано, и не без участия товарища

новременно колоссальный перекос в сознании зрителей. О Сталине и Троцком мы знаем все по минутам и про всех жен Буденного знаем... Но, к примеру, о создателе русского государства Иване III не знаем ничего! История на экране не становится, как говорил Петр Чаадаев, «ключом к познанию народа». Бесконечная череда документальных фильмов главным образом удовлетворяет нездоровое любопытство, не более того. На самом деле это частный случай нашего отношения к прошлому, но он очень показатель-

новременно колоссальный перекос в сознании зрителей. О Сталине и Троцком мы знаем все по минутам и про всех жен Буденного знаем... Но, к примеру, о создателе русского государства Иване III не знаем ничего! История на экране не становится, как говорил Петр Чаадаев, «ключом к познанию народа». Бесконечная череда документальных фильмов главным образом удовлетворяет нездоровое любопытство, не более того. На самом деле это частный случай нашего отношения к прошлому, но он очень показатель-

новременно колоссальный перекос в сознании зрителей. О Сталине и Троцком мы знаем все по минутам и про всех жен Буденного знаем... Но, к примеру, о создателе русского государства Иване III не знаем ничего! История на экране не становится, как говорил Петр Чаадаев, «ключом к познанию народа». Бесконечная череда документальных фильмов главным образом удовлетворяет нездоровое любопытство, не более того. На самом деле это частный случай нашего отношения к прошлому, но он очень показатель-

Разумовский считает себя путешественником во времени.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

задавать прошлому те вопросы, которые мы задаем сегодняшнему времени и на которые нет ответа. Значит, надо искать их в прошлом.

— Вас не смущает, что ваша программа во многом переключается с программой Радзинского?

— Вам со стороны виднее, но я думаю, что это очень разные программы. Прежде всего по своей задаче. Радзинский как драматург использует исторический материал для создания спектакля и сам играет в этом спектакле всех персонажей. В последнее время он стал записывать свои программы на сцене, в зрительном зале, и это еще более сблизило эту передачу с театром. Программа же «Кто мы?» имеет совсем другой характер и стилистику. Это своего рода документальное путешествие во времени и в простран-

моими подходами и мировоззрением. В этом смысле никакого дискомфорта не ощущаю. При том что темы власти и государства входят в число приоритетных тем программы и об этом идет разговор без всяких скидок. Но было бы странно, если бы при этом я пытался кого-то обслуживать. Другое дело — служить, это никому не возбраняется.

— У вас сильные конкуренты в исторической номинации на ТЭФИ: «По обе стороны победы» (REN TV) и «Исторические хроники с Николаем Сванидзе». Как оцениваете свои шансы?

— Признаться, я об этом не думал и это не кокетство. Мы все взрослые люди и знаем, кто чего стоит. К тому же это всего лишь игра, и едва ли к ней нужно слишком серьезно относиться.

Ленина. В результате вопрос о судьбе «большевистских мощей» обсуждается в больном, расколотом обществе. Нас устраивает абсурдная ситуация, когда по одну сторону от Кремлевской стены находятся могилы создателей России, а по другую сторону — ее разрушителей и борцов за победу мировой революции. Это противоречие рано или поздно должно быть разрешено. А пока основным препятствием для этого является какофония понятий, заменяющая нам ясное историческое сознание. В этой ситуации я считаю, что обсуждать вопрос о перезахоронении в политическом плане — бесполезно.

— Как вы оцениваете то, что телевидение сегодня столь активно обращается к прошлому?

— У меня сложное отношение к этой активности. Такое обраще-

ний. И результат налицо. Не имея возможности использовать исторический опыт, мы двигаемся вслепую, на ощупь, наугад. А в итоге по большому счету до сих пор ничего не можем сделать ни в экономике, ни в политике. Нам не удастся нормально решить ни один вопрос.

— «Разруха в головах», как говорил герой Булгакова?

— Несомненно. Вот поэтому мне непонятны те люди, которые закладывают эти бесконечные документальные проекты. Зачем они это делают?

— А вы как думаете?

— Хочется думать, что по недомыслию. Мы и так фактически лишены исторической памяти и нами очень легко управлять. В конце концов, и сегодня существует то, что Карамзин называл «духом правления». Он влияет на все, в том числе и на наше ТВ.